

был приучен к жесткому расписанию. Подъем, прием пищи, отбой — все в точно обозначенное время. Отец меня так вышколил, что когда я добровольцем пошел на фронт, армейская лямка оказалась вполне по плечу.

Самым страшным днем войны стал для меня день моего ранения под Вязмой — 16 марта 43-го. Умирать буду — вспомню. Нас тогда выбросили парашютным десантом в открытое поле. На каждом было по 40 килограммов снаряжения. Наверное, поэтому ветер нас не разбросал, мы приземлились кучно. В темноте я услышал два свистка командира, что обозначало: все ко мне. И я побежал во главе 28 человек своего взвода вдоль противотанкового рва. За очередным его изгибом успел увидеть только яркую вспышку. Очнулся уже в машине. Перед глазами тьма, ничего не слышал, руки тряслись, не мог слова вымолвить и пошевелить ногами — сильнейшая контузия. В Костромском госпитале — спасибо им — меня выходили...

Долгие годы я не решался всерьез заняться литературой. Для меня тогда посягнуть на это было всё равно, что сесть за один стол с Львом Николаевичем Толстым. Так я был воспитан. Да я и не собирался быть писателем. Мечтал заниматься историей. Всегда любил ее и сейчас с удовольствием в нее погружаюсь. Если бы не война, то, может, и не было бы писателя Васильева. Но я всегда читал запоем все подряд. Очнувшись в госпитале после контузии, первым делом прошептал: «дайте мне книжку». Помню, перед глазами плыл туман, из которого донесся голос нянечки: «Мальчик, какая тебе книжка, ты в себя приди сначала». Кстати, на войне в действующей армии не разрешалось вести какие-либо личные записи. У всех пишущих должно было быть на это специальное разрешение НКВД. Допущенному на фронт литератору рассказывали несекретные случаи и изда- лека показывали передовые позиции, чтобы того, не дай Бог, не ранило. «Понюхав пороху», он с чистой совестью возвращался в тыл. А газетчики просто были аккредитованы по частям, где их снабжали разрешенными к публикации сведениями. Солдаты же, кроме писем, ничего писать не имели права. Да и в тех военная цензура беспощадно вычеркивала все «лишнее». Из иного письма противник может извлечь много полезной информации... Немцы не были такими уж дураками, как их изображали в довоенном кино. У них была лучшая армия в мировой истории.

Первую свою вещь я написал в 1954 году. Тогда в армии назрел конфликт между офицерами — фронтовиками и молодыми, не знавшими войны выпускниками военных вузов. Первым уже не хватало профессионализма, а вторым — опыта. И те, и другие недолюбливали друг друга. Я написал об этом пьесу «Офицер», которую принял к постановке московский Театр Советской армии. Поверив в свои писательские силы, я демобилизовался на волне тогдашнего сокращения офицерского состава.

Героинь повести «А зори здесь тихие...» я выдумал всех до одной. Хотел показать, какую страшную цену мы заплатили за победу: 1 к 5. И даже выше. Честно признаюсь, сначала героями повести были мужики. Раненые, ослабленные, не долечившиеся — они должны были в тех тихих местах восстанавливаться после госпиталя. Я написал уже большой кусок, но однажды поутру меня осенило: это должны быть девушки! Тогда замысел будет точнее раскрыт. Женщина не умеет воевать, не должна. Я порвал написанное и начал все заново. Главным там оказался старшина Васков. Для него армия — это родное. Фашисты не прошли, потому что напали на высококлассного специалиста в военном ремесле. Девочек они бы перережали без единого выстрела. А на нем споткнулись. Мой главный герой — профессионал. Таковы и Трофимов с Вараввой из фильма «Офицеры», который мне очень дорог — это почти моя биография.

Когда Юрий Любимов в Театре на Таганке брался за постановку «А зори здесь тихие...», он мне сказал: «Мы должны сделать так, чтобы люди у нас не плакали. А молча ушли домой с неким эмоциональным зарядом. Дома пусть рыдают, вспоминая». Я потом смотрел несколько спектаклей подряд. В зале не было пролито ни одной слезинки. Люди уходили потрясенные. Трагедия очищает душу через мучительные с переживания героям. Этого я и пытаюсь добиться в своей прозе.

В 91-м году, когда я был народным депутатом, меня попросили встретиться с одним важным человеком. Это был бывший немецкий пехотный генерал, командовавший в войну дивизией на Северо-Западном, Ржевском, направлении. В этом проклятом месте наша армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше миллиона человек. Генерал оказался интересным собеседником. Признаюсь вам, что я не испытывал неприязни к бывшему врагу. Время затягивает раны. Мы хлебнули лиха и они. Чего уж теперь — то? Остались живы — и слава Богу!..

Труд, 2005, 6 мая.